



основного критерия (теологического и философского камня), который решительным образом отделяет человека от других животных и вместе с тем оправдывает их «полезное» употребление. Этот ускользающий критерий, который часто служил для того, чтобы дезавуировать животное начало в человеке, принимал множество форм (творение по образу и подобию Бога, душа, дух, разум, свобода, язык и т. д. – но не способность страдать, получать травму, становиться жертвой, доверять или радоваться). Становилось все яснее, что этот критерий нельзя установить окончательно, особенно с теми несправедливыми и эксплуататорскими следствиями, с которыми он открыто или тайно постулировался. Подлинная проблема заключается не столько в эфемерности объекта этого поиска, сколько в опрометчивости самого его предприятия и в тех несправедливых, самодовольных предпосылках, о которых он свидетельствует. Это осознание, которое нельзя ограничить рамками антропоцентрически трактуемых «прав» животных, должно произвести важный сдвиг в самопонимании гуманитарных (или постгуманитарных) дисциплин, сущность и смысл которых находятся в процессе становления. И оно вновь ставит вопрос об отношении между гуманитарными, научными и социально-научными дисциплинами. Это именно то основание, на котором гуманитарные дисциплины должны быть широко переосмыслены. И благодаря этому щедрому переосмыслению другие предметы гуманитаристики должны будут получить новую, возможно, даже ранее небывалую конфигурацию. Словом, то, что существенно для гуманитарных дисциплин, сегодня может потребовать постгуманистической ориентации, которая одновременно борется с лицемерным человеческим достоинством, основанном на скрытом поиске козлов отпущения, и щедро расширяет поле своего интереса, включая в него животных и различия внутри человеческой природы.

*Роуз Эллен Лесси*

### **Практическая гуманитаристика<sup>3</sup>**

Защитив диплом бакалавра, большинство наших студентов большую часть своей жизни проведут в погоне за прибылью и эффективностью. Гонясь за эффективностью, некоторые из этих студентов (или, возможно, их родителей) обеспокоятся тем, что нет никакого прока от курсов, посвященных скандинавской мифологии, тайваньскому кинематографу или латинской лирической поэзии. И во многом они правы: нет никакой выгоды, никакой прибыли и вообще ничего полезного в этой огромной неразберихе, которую представляют собой гуманитарные дисциплины.

<sup>3</sup> Текст статьи воспроизводится по изданию: *Lessy R.E. The Practical Humanities*, in Lepage, P.G., Martin C., Mostafavi M. (eds.) *Do The Humanities Have to Be Useful?* // Cornell: Cornell University Press, 2006. P. 87–90.



Конечно, некоторые студенты станут возражать своим узкомыслящим и прагматичным сверстникам. Гуманитарные дисциплины небесполезны, скажут они. Подумайте только, какое можно оставить хорошее впечатление, процитировав несколько ярких строк из Шекспира на дружеской вечеринке за коктейлем. И не забывайте, как высоко ценится в деловом мире умение хорошо писать.

И отделения английского языка наших колледжей в основном следуют той же логике: мы напоминаем студенту, выбирающему курсы, что, специализируясь в английском языке, он научится хорошо читать, хорошо писать и станет ловким собеседником с отличными навыками критического мышления. За последние годы мы стали красноречивыми (поскольку это то, что нам удастся лучше всего), ведя такую, самую что ни на есть прагматическую, защиту гуманитарных дисциплин. Мы соглашаемся со студентами, озабоченными эффективностью своих учебных программ: вы можете позабыть предмет, говорим мы, но набор навыков – вот что действительно имеет значение. И если мы достаточно красноречивы, мы можем убедить их. Мы и вправду можем убедить их в том, во что они уже верят: цель колледжа – принести им больше выгоды, когда они выйдут из его стен.

Но я боюсь, что это довольно близорукая стратегия. Мы приобретаем немного больше специалистов в английском, но поистине дорогой ценой: мы приобретаем их, делая из них сторонников совершенно утилитарного образования, и, тем самым, усиливаем логику, которая в конечном счете оставляет нас не у дел.

Студенты высшей школы, которые теперь представляют элиту университетов и колледжей, отчасти достигли успеха потому, что научились справляться с плотными расписаниями, вроде тех, какими запасаются врачи-стажеры и начинающие юристы. Неудивительно, что эти студенты требуют, чтобы их учебные программы имели какую-то количественно измеримую ценность. И принимая во внимание количество долгов, в которые должны залезать студенты, чтобы посещать колледж, мы вряд ли можем осуждать их за то, что они беспокоятся о скорейшем возвращении своих вложений. Эти студенты уже являются смыслеными работниками и менеджерами, хорошо подкованными в не столь изящном искусстве мультитаскинга; многие из них почти ничего не требуют от нас в деле практического научения. Конечно, мы можем помочь им выработать специальные навыки. Но я полагаю, что не в этом состоит главная задача преподавателей гуманитарных дисциплин. Скорее, наша задача в том, чтобы предложить студентам что-то совершенно противоположное практическому научению: мы можем дать им возможность остановиться, отключиться и пережить (пусть и мимолетное) удовольствие от мышления ради него самого, удовольствие от чтения волнующих книг, которые, однако, никогда не помогут им найти работу. Наверное, это утопический аргумент? Возможно, так и есть. Но если среди тех, кто изучает литературу, искусство и философию, нет места утопическому мышлению, тогда нам действительно почти нечего предложить своим студентам.



Если высшее образование должно избегать бифуркации на ремесленные училища и богатые пансионы, нам нужно выработать новые аргументы относительно достоинства гуманитарных дисциплин, аргументы, которые в конечном счете не превратятся в элегантную защиту полезных практических навыков, прививаемых нами втихаря. Прелесть академической гуманитаристики в том, что она позволяет студентам развивать интересы, пристрастия и склонности, от которых нет никакой пользы. Почему же тогда мы должны отрицать эту прелесть? Почему же мы должны говорить, что свободные искусства – это только способ организации предпрофессионального обучения?

Я понимаю, что не каждый может позволить себе роскошь, поборницей которой я, кажется, здесь выступаю. По этой причине многие из нас должны обращать свое красноречие к проблемам равенства и доступности. Мы должны разрабатывать настоящую систему *need-blind admissions and access*<sup>4</sup>, где ни одному студенту не придется отказываться от образования в колледже, поскольку плата за обучение слишком высока, или недоступна служба социального обеспечения, или занятия проходят в неудобное время. И потом, можно ли быть большим элитистом, чем тот, кто считает, что только богатые студенты должны иметь возможность читать поэзию и изучать историю современного искусства? И можно ли быть большим классистом, чем тот, кто воображает, будто гуманитарные науки предназначены только для тех, кому не приходится заботиться о хлебе насущном?

Если кажется, что здесь имеется противоречие между академической философией и политической оболочкой, то с педагогической точки зрения тем оно лучше. Ведь возможность производить конструктивные противоречия – это та возможность, которую способны вскармливать гуманитарные дисциплины. Интеллектуальное исследование – как и сама демократия – не любит, когда сглаживают углы. Я бы хотела видеть гуманитарные дисциплины местом, где студенты одновременно испытывают воодушевление и переживают трудность от работы с идеями и сообществами, которые плохо или вообще никак не согласуются между собой. Гуманитарные дисциплины продолжают оставаться бесценными для более внимательно, более подвижного и более профессионального, чем когда бы то ни было прежде, поколения студентов. Гуманитарные дисциплины бесценны не потому, что они обостряют внимание, а потому, что они предлагают совершенно особый стиль видения.

Материалы подготовил А.А. Олейников

---

<sup>4</sup> Эта система введена пока только в нескольких американских университетах. Согласно ее правилам учебное заведение должно принимать решение о приеме студента раньше, чем оно перейдет к рассмотрению его финансовой состоятельности. – *Примеч. пер.*